Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.4

Григорян Ваган Леонович

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия,
vagan1384@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8024-0228>

ВЛИЯНИЕ НЕДОСТАТКОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МОМЕНТА ВСТУПЛЕНИЯ В СИЛУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ НА ПРАКТИКУ РАССЛЕДОВАНИЯ И РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении недостатков правовой регламентации момента вступления в силу уголовно-процессуальных решений, оказывающих влияние на практику расследования и рассмотрения уголовных дел. Материалом для исследования послужили нормы действующего уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, в основу сделанных в статье выводов положены результаты обобщения следственно-судебной практики. В ходе исследования применялся целый ряд научных *методов*: анализа и синтеза, сравнительно-правовой, эмпирио-критический, системный, формально-юридический. Они позволили выявить проблемы определения момента вступления в силу отдельных решений, принимаемых в уголовном судопроизводстве. *Результатом* исследования стали предложения, направленные на совершенствование УПК РФ и практики его применения. Предложено внести в УПК РФ дополнение о том, что промежуточные судебные решения должны изначально обладать исполнимостью, а вступать в силу – по истечении определенного срока. Сформулирована позиция о необходимости признания утратившим силу п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и исключения формулировки «утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу» из редакции п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, что приведет к единообразию практики расследования уголовных дел и нивелирует риск манипулирования правом на отмену постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) со стороны руководителя следственного органа и прокурора.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные решения, законная сила, апелляционное обжалование, промежуточные судебные решения, исполнимость решений, приговор, постановление, прекращение уголовного дела

Для цитирования: Григорян В.Л. Влияние недостатков законодательной регламентации момента вступления в силу уголовно-процессуальных решений на практику расследования и рассмотрения уголовных дел / В.Л. Григорян // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 60–74. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.4.

Original article

Grigoryan Vagan Levonovich

Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia, vagan1384@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8024-0228>

**THE IMPACT OF DEFICIENCIES OF LEGISLATIVE
REGULATION OF THE MOMENT OF ENTRY INTO FORCE
OF CRIMINAL PROCEDURAL DECISIONS
ON THE PRACTICE OF INVESTIGATING AND
HEARING CRIMINAL CASES**

Abstract. The *purpose* of the study is to identify deficiencies in the legal regulation of the moment of entry into force of criminal procedural decisions influencing the practice of investigating and hearing criminal cases. The provisions of the current legislation on criminal procedure serve as the basis for the study. Moreover, the conclusions reached in the article are based on a compilation of investigative and judicial practice. In the course of the study, a number of scientific *methods* are used: analysis and synthesis, comparative legal, empirio-critical, systematic, formal legal. They make it possible to identify problems in determining when individual decisions taken in criminal proceedings enter into force. The study *resulted* in proposals aimed at improving the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and its application. It is proposed to add to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation that interlocutory judgments must initially be enforceable, and come into force after a certain period. The position is taken on the need to invalidate paragraph 13 of part 2 of Art. 37 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the exclusion of the wording «to approve the decision of the investigator to discontinue criminal proceedings» from the wording of paragraph 9 of part 1 of Art. 39

of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which will lead to uniformity in the practice of investigating criminal cases and reduce the risk of manipulation of the right to annul decisions to discontinue a criminal case (criminal prosecution) by the head of the investigative body and the prosecutor.

Keywords: criminal procedural decisions, legal force, appeal, interlocutory judgments, enforceability of decisions, sentence, ruling, termination of criminal case

For citation: Grigoryan V.L. The impact of deficiencies of legislative regulation of the moment of entry into force of criminal procedural decisions on the practice of investigating and hearing criminal cases. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 60–74. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.4. (In Russian).

Введение. Одним из имманентно присущих уголовно-процессуальной форме элементов являются решения, принимаемые в уголовном судопроизводстве. Доктрина уголовного процесса наиболее пристальное внимание уделяет понятию и сущности (правовой природе) таких решений. При этом теоретики критикуют закрепленное в п. 33 ст. 5 УПК РФ общее понятие процессуального решения как ввиду его некорректности, поскольку оно определяется через само решение [1, с. 268], так и в силу насыщения его исключительно внешними процедурными признаками: принятие решения властными субъектами уголовно-процессуальных отношений в установленном законом порядке [2, с. 101]. В научной среде интерпретация уголовно-процессуальных решений неизменно сопровождалась включением в их содержание властного волеизъявления, что вовсе не свидетельствовало и не свидетельствует об идентичности встречающихся определений.

Чаще всего в работах отечественных процессуалистов решение толковалось как содержащий властное волеизъявление акт применения норм права, выносимый органом, осуществляющим уголовное судопроизводство, в пределах его компетенции в форме постановления, заключения, поручения, представления по вопросам, возникающим в ходе производства по уголовному делу [3, с. 6; 4, с. 42]. Некоторые ученые понимали под решением отвечающий требованиям законности и обоснованности правовой документ, в котором формулируется вывод об установлении фактических обстоятельств, содержатся ответы на правовые вопросы, выражается властное волеизъявление о действиях, проистекающих из установленных обстоятельств и предписаний закона [5, с. 12; 6, с. 43]. По мнению отдельных авторов, решения в уголовном судопроизводстве отождествляются с необходимым элементом процессуальной деятельности, сущность которого заключается «в выборе в пределах своей компетенции из определенных за-

коном альтернативных целей и средств тех, которые вытекают из установленных на момент принятия решения фактических данных, выражают властное веление, направлены на осуществление задач производства по делу и, как правило, облечены в форму индивидуального правоприменительного акта» [7, с. 13].

Характеристика уголовно-процессуальных решений была бы неполной без упоминания их понятия, данного П.А. Лупинской в ее фундаментальном труде «Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика»: это «правовые акты, выраженные в установленной законом процессуальной форме, в которых государственный орган или должностное лицо в пределах своих полномочий в определенном законом порядке дает ответы на возникшие по делу правовые вопросы, основанные на установленных фактических обстоятельствах дела и предписаниях закона, и содержащие властное волеизъявление о действиях, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства» [8, с. 26].

Систематизация приведенных и других точек зрения ученых позволяет раскрыть сущность решений в уголовном судопроизводстве посредством выявления их традиционных черт: выносятся лишь государственными органами и должностными лицами, ведущими уголовное судопроизводство, в пределах своей компетенции; носят государственно-властный характер; порождают, изменяют или прекращают уголовно-процессуальные отношения; подтверждают наличие или отсутствие материально-правового конфликта; принимаются в установленном законом порядке и выражаются в соответствующей процессуальной форме; обладают свойствами законности, обоснованности, мотивированности и справедливости [1, с. 272; 9, с. 101; 10, с. 71–76]. Из обозначенных черт уголовно-процессуальных решений лишь положение об их свойствах требует дополнительной аргументации и некоторых пояснений.

Если отталкиваться от действующей редакции ч. 4 ст. 7 УПК РФ, то в ней отсутствует указание на справедливость определений суда, постановлений судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя. О справедливости как свойстве говорится только применительно к приговору (ч. 1 ст. 297 УПК РФ), так как законодатель, руководствуясь узким пониманием справедливости, сводит ее к справедливости назначенного наказания.

Между тем справедливость в широком смысле базируется на законности и обоснованности решений и означает правильное разрешение конфликта как по существу, так и по форме, в связи с чем она должна быть свойственна уголовно-процессуальным решениям в целом. Наряду с изложенным важно заметить, что в ч. 4 ст. 7 УПК РФ при перечислении реше-

ний нет ссылки на приговор, а ч. 1 ст. 297 УПК РФ прямо не закрепляет мотивированность как свойство приговора. Такие законодательные пробелы чреваты формированием ошибочной позиции, что для приговора мотивированность не характерна, несмотря на содержание п. 4 ч. 1 ст. 305, п. 2 и 4 ст. 307 УПК РФ и п. 15, 18, 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»¹, из которых следует обратное. Приходится использовать небезупречные в теоретическом и правовом отношении логические приемы и конструкции для доказывания того, что законность, обоснованность, мотивированность и справедливость – свойства всех без исключения решений в уголовном процессе.

Данные свойства при раскрытии приговора как акта правосудия нередко именуется требованиями, предъявляемыми к нему, иногда обозначаются прилагательным «внутренние», чтобы провести разграничение с внешними свойствами, присущими приговору. Ю.М. Грошевой по этому поводу писал: «следует различать внутренние и внешние свойства приговора, которые в диалектической взаимосвязи выражают качественную определенность этого процессуального акта в системе процессуальных решений. Причем внутренние свойства приговора обуславливают его внешние свойства. К внутренним свойствам правомерно отнести законность и обоснованность приговора; к внешним – его исключительность, обязательность, законную силу» [11, с. 109].

В.Н. Бибило и Е.А. Матвиенко внешними свойствами приговора считали обязательность, исключительность, неизменность и преюдициальность [12, с. 33]. Аналогичное суждение о внешних свойствах приговора было высказано и Ю.Ю. Чуриловым [13, с. 14].

Не отрицая принадлежности обязательности, исключительности, неизменности и преюдициальности к внешним свойствам именно приговора, уместно констатировать, что они возникают автоматически – после вступления итогового акта правосудия в законную силу. Однако законная сила, будучи условием реализации обязательности, исключительности, неизменности и преюдициальности приговора, его самостоятельным свойством не является, поскольку близкая к ней по содержанию категория «юридическая сила» применима и к промежуточным судебным решениям, и к решениям властных субъектов обвинения в досудебном производстве². Вступление в силу любых уголовно-процессуальных решений в каждом отдельном случае связывается с определенным моментом. Конкретизация этого момента

¹ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 // Российская газета. 2016. № 277.

² В рамках настоящего исследования термины «законная сила» и «юридическая сила» употребляются как синонимы.

чрезвычайно значима для формирования единообразной практики расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел. Чтобы не быть голословным, аргументируем приведенную точку зрения.

Обсуждение. Исследуя проблему вступления в законную силу уголовно-процессуальных решений, нельзя не отметить ее особую актуальность в свете решений, вынесенных судом. При этом в большинстве работ по обозначенной тематике акцент делается на промежуточных судебных решениях [14; 15; 16]. Что касается итоговых решений суда под углом зрения приобретения ими юридической силы, то указанный момент конкретизируется законодателем и совпадает с истечением срока их апелляционного обжалования либо с днем принятия судом второй инстанции апелляционного определения. В период, когда самой распространенной формой пересмотра не вступивших в силу судебных решений выступало кассационное производство, схожая правовая позиция была сформулирована Конституционным Судом РФ в Определении от 18 июля 2006 г. № 286-О: «приговоры и иные имеющие итоговый характер решения вступают в силу и обращаются к исполнению по истечении срока их обжалования или, в случае их обжалования, – в день вынесения кассационного определения»¹. Примечательно, но в указанном Определении сказано лишь о немедленном обращении промежуточных судебных решений к исполнению, тогда как о моменте вступления в законную силу таких решений Конституционный Суд РФ то ли осознанно, то ли непреднамеренно умолчал.

До сих пор правовое регулирование общественных отношений, связанных со вступлением в силу промежуточных судебных решений, отсутствует и в УПК РФ, что побуждает многих исследователей дискутировать по этому поводу. Так, А.С. Червоткин, выделяя основные свойства и отличительные черты промежуточных решений суда, настаивает на том, что они немедленно вступают в силу и обращаются к исполнению [15, с. 15]. Аналогичной точки зрения придерживается А.В. Смирнов [17].

Рассуждая в научной статье о законной силе постановления судьи о разрешении производства следственного действия, В.Ю. Стельмах утверждает, что решения, выносимые судом на этапе предварительного расследования, вступают в силу по истечении определенного срока тогда, когда

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каримова Владислава Филлиратовича на нарушение его конституционных прав статьями 5, 125, 359 и 391 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 286-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 31.01.2022).

это прямо оговорено в УПК РФ; во всех остальных случаях постановление судьи приобретает законную силу с момента его вынесения немедленно [14, с. 122].

Анализ приведенных мнений вскрывает в них общий существенный недостаток, на который обращают внимание А.Д. Прошляков и М.В. Мерзлякова. Они справедливо указывают, что немедленное вступление в силу промежуточных судебных решений блокирует возможность их апелляционного обжалования, ввиду чего свобода обжалования явно ущемляется и становится иллюзорной. В связи с этим авторы небезосновательно предлагают различать два момента: вступление в силу судебного решения и приобретение им свойства исполнимости [16, с. 58]. Думается, что именно при таком подходе, когда промежуточные решения суда изначально обладают исполнимостью и лишь по истечении определенного срока вступают в силу, соблюдается баланс между достижением задач, на которые направлена реализация промежуточного судебного решения, и гарантированным Конституцией РФ правом на судебную защиту. Иначе, если вступление в силу промежуточных решений суда и наделение их свойством исполнимости будут происходить одновременно, впору констатировать либо необратимые последствия ввиду промедления с исполнением данных решений, либо нарушение права на судебную защиту, выражающееся в игнорировании свободы апелляционного обжалования заинтересованными лицами. Кстати, немедленная исполнимость характерна для собственно промежуточных решений, когда они содержатся в итоговом акте правосудия, не вступившем в законную силу. Например, решение об избрании в отношении подсудимого, не содержащегося под стражей, меры пресечения в виде заключения под стражу исполняется сразу после провозглашения обвинительного приговора, где приведено обоснование необходимости его изоляции.

Уголовно-процессуальные решения властных субъектов обвинения в досудебном производстве, естественно, не могут и не должны обжаловаться в апелляционном порядке (как, собственно, в кассационном и надзорном), что снимает остроту вопроса об их юридической силе. По верному замечанию П.А. Лупинской, эти решения вступают в силу с момента принятия [18, с. 43]. Однако принятие решений должностными лицами органов уголовного преследования обуславливается различными юридическими фактами. В частности, постановление о привлечении в качестве обвиняемого считается принятым после его подписания следователем, на которого возлагаются обязанности по вручению копии указанного решения обвиняемому, защитнику и направлению ее прокурору (ч. 8 и 9 ст. 172 УПК РФ). Когда следователь или дознаватель возбуждает ходатайство об избрании меры пресечения ввиду заключения под стражу, то соответствующее постановление направляется им в суд лишь после согласования с

руководителем следственного органа или прокурором (ч. 3 ст. 108 УПК РФ), а значит, выраженное в письменной форме согласие ведомственных начальников придает такому решению юридическую силу. О вынесении и, как следствие, вступлении в силу обвинительного заключения (акта, постановления) свидетельствует резолюция прокурора «Утверждаю», располагающаяся над наименованием документа. Неслучайно по окончании расследования именно прокурор вручает копии обвинительного заключения, акта, постановления заинтересованным лицам (ч. 2 ст. 222, ч. 3 ст. 226 и ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ). Изложенное приводит нас к убеждению, что принятие и вступление в законную силу решений властных участников процесса со стороны обвинения связываются с тремя обстоятельствами: их подписанием должностным лицом, выраженным в письменной форме согласием ведомственного руководителя и резолюцией об утверждении итоговых актов предварительного расследования, учиненной надзирающим прокурором. Чрезвычайно важно здесь осознать правило: юридическая сила отдельно взятого решения органа уголовного преследования коррелирует с удостоверением только одного из перечисленных фактов.

К сожалению, данное правило не воспринимается законодателем при регламентации порядка вынесения решений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) на стадии предварительного расследования. Традиционно постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования принимается следователем, дознавателем самостоятельно, что подтверждается системным анализом ч. 1 ст. 213 и ч. 1 ст. 223 УПК РФ. Вместе с тем решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), к примеру, в связи с примирением сторон либо деятельным раскаянием нуждается в согласовании с руководителем следственного органа или прокурором соответственно (ст. 25, 28 УПК РФ). Если в первом случае постановление обретает законную силу после его подписания лицом, осуществляющим расследование, то во втором – с момента фиксации на нем письменного согласия руководителя следственного органа (прокурора), и это вполне согласуется с ранее озвученным правилом. Но ситуация в корне меняется при ознакомлении с полномочиями прокурора и руководителя следственного органа, среди которых обнаруживается утверждение ими постановлений своих ведомственных подчиненных о прекращении производства по уголовному делу (п. 13 ч. 2 ст. 37, п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Логично считать, что при заявленной нормативно-правовой конструкции подобное утверждение и будет служить тем юридическим фактом, с наступлением которого можно судить о законной силе постановления. Тогда закономерно возникает как минимум два вопроса: в чем заключается смысл наделения следователя, дознавателя правом самостоятельного вы-

несения постановлений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и каково значение согласия руководителя следственного органа и прокурора на принятие указанных решений? Поставленные вопросы относятся к категории риторических. Очевидно, что необходимость утверждения ведомственными руководителями постановлений о прекращении производства по делу придает праву следователя (дознавателя) на самостоятельное принятие анализируемых решений декларативный характер и нивелирует ценность согласия руководителя следственного органа и прокурора, которое по своей правовой природе очень схоже с их же утверждением.

Обобщение практики расследования уголовных дел в Тамбовской области и Ставропольском крае показало, что постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) не утверждаются руководителем следственного органа и прокурором. Так, в постановлении о прекращении уголовного дела в отношении Р. за отсутствием состава преступления, вынесенном дознавателем ОД МО МВД России «Знаменский», нет отметки прокурора о его утверждении¹. При ознакомлении с уголовным делом № 12102070011010004 выявлено, что уголовное преследование К. прекращено старшим следователем СО по городу Пятигорск СУ СК РФ по Ставропольскому краю на основании примечания к ст. 145.1 УК РФ и в связи с деятельным раскаянием, а само постановление лишь согласовано с руководителем следственного органа путем учинения им надписи «Согласен»². Вместе с тем не исключается, что в других субъектах Российской Федерации при прекращении уголовного дела или уголовного преследования руководитель следственного органа и прокурор используют утверждение с целью придания законной силы решениям, по крайней мере, соответствующие предпосылки для этого имеются. Как видно, ущербность процессуальной формы вынесения решений о прекращении уголовного дела (преследования) порождает неопределенность в вопросе о моменте вступления в силу постановлений следователя, дознавателя и ставит под угрозу обеспечение единообразия практики расследования уголовных дел.

Чтобы прояснить возникшую ситуацию и не допустить в будущем использования разностороннего подхода правоприменителей к принятию

¹ Архив Отделения дознания МОМВД России «Знаменский». Уголовное дело № 12001680045000032 по обвинению Р. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ.

² Архив следственного отдела по городу Пятигорск следственного управления Следственного комитета РФ по Ставропольскому краю. Уголовное дело № 12102070011010004 по подозрению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 145.1 УК РФ.

постановлений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, требуется внести в уголовно-процессуальный закон изменения, устраняющие возможность двоякого толкования. Руководствуясь изложенным, целесообразно признать утратившим силу п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и исключить формулировку «утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу» из действующей редакции п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ. Изъятие у руководителя следственного органа и прокурора полномочий по утверждению решений о прекращении производства по уголовному делу никак не ограничит ведомственный контроль за деятельностью следователя и дознавателя, поскольку каждый из них в отношении своих подчиненных обладает правом отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и возобновления производства по уголовному делу (ч. 1 ст. 214 УПК РФ).

Наличие у руководителя следственного органа и прокурора возможностей по утверждению постановлений о прекращении производства по делу, иллюстрируя ущербность процессуальной формы вынесения названных решений, не только будет способствовать отклонению от единообразия практики расследования уголовных дел, но и позволит им манипулировать правом отмены данных постановлений.

Федеральным законом от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ¹ гл. 29 УПК РФ дополнена статьей 214.1, в соответствии с которой отмена постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его принятия допускается на основании судебного решения. Между тем ввиду неопределенности момента вступления в силу решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) не совсем ясно, с даты какого события следует рассчитывать годичный срок – с даты подписания постановления следователем, дознавателем (получения согласия ведомственного начальника) или с даты учинения на нем резолюции руководителя следственного органа, прокурора об утверждении этого акта. Принимая во внимание, что заявленные события могут быть растянуты во времени, а сама резолюция «Утверждаю» вместе с датой проставлена от руки, имеются опасения проявления злоупотреблений правом на утверждение. Другими словами, есть риск использования полномочий по утверждению постановлений о прекращении производства по уголовному делу с целью искусственного восстановления пропущенного срока, что, несомненно, повлечет за собой ущемление прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, прежде всего подозревае-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 12.11.2018 № 411-ФЗ // Российская газета. 2018. № 255.

мого, обвиняемого. В свете приведенных обстоятельств необходимость внесения в УПК РФ предложенных изменений приобретает еще большую актуальность.

Заключение. Конструктивный анализ уголовно-процессуального законодательства в части регламентации момента вступления в силу решений, принимаемых в ходе уголовного судопроизводства, способствовал формированию убеждения, что промежуточные судебные решения должны исполняться незамедлительно, а вступать в законную силу – по истечении определенного срока. Лишь такая хронологическая последовательность позволит избежать необратимых последствий, связанных с промедлением исполнения указанных решений, и не нарушить право заинтересованных лиц на судебную защиту, заключающееся в свободе апелляционного обжалования. Соответствующие дополнения требуется внести в УПК РФ.

Юридическая сила решений, выносимых органами уголовного преследования, обуславливается тремя фактами: их подписанием должностным лицом; выраженным в письменной форме согласием ведомственного руководителя; резолюцией об утверждении итоговых актов предварительного расследования, учиненной надзирающим прокурором. Неопределенность в этом смысле характерна для постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). С целью ее преодоления предлагается признать утратившим силу п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и исключить формулировку «утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу» из действующей редакции п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ. Реализация предложенных изменений не только приведет к единообразию практики расследования уголовных дел, но и нивелирует риск манипулирования правом на отмену постановлений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования со стороны руководителя следственного органа и прокурора.

Список источников

1. Фомичев П.В. О сущности уголовно-процессуальных решений / П.В. Фомичев // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила : сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. Л.В. Никитина. – Саратов : Кубик, 2015. – С. 267–274.

2. Манова Н.С. О сущности процессуальных решений в уголовном судопроизводстве / Н.С. Манова, Е.В. Пантелева // Право: история и современность. – 2020. – № 2 (11). – С. 100–111.

3. Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю.М. Грошевой. – Харьков : Вища школа, 1979. – 143 с.

4. Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования : учебное пособие / З.Д. Еникеев. – Уфа : Изд-во БашГУ, 2001. – 116 с.
5. Манаев Ю.В. Законность и обоснованность процессуальных решений следователя в советском уголовном судопроизводстве : учебное пособие / Ю.В. Манаев. – Волгоград, 1977. – 87 с.
6. Савицкий В.М. Уголовный процесс : словарь-справочник / В.М. Савицкий, А.М. Ларин ; под общ. ред. В.М. Савицкого. – Москва : Контракт : ИНФРА-М, 1999. – 270 с.
7. Ломидзе А.Б. Прокурорский надзор за законностью и обоснованностью принимаемых следователем процессуальных решений : методическое пособие / А.Б. Ломидзе. – Москва : Юрлитинформ, 2000. – 104 с.
8. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2010. – 240 с.
9. Зотов Д.В. Традиции и новации в определении гносеологического содержания уголовно-процессуальной деятельности / Д.В. Зотов // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила : сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. Л.В. Никитина. – Саратов : Кубик, 2015. – С. 92–103.
10. Уманская В.П. Правовые акты органов исполнительной власти. Теория и практика : монография / В.П. Уманская ; под ред. Б.В. Россинского. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 335 с.
11. Грошевой Ю.М. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие / Ю.М. Грошевой. – Харьков : Вища школа, 1986. – 183 с.
12. Бибило В.Н. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора / В.Н. Бибило, Е.А. Матвиенко. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 206 с.
13. Чурилов Ю.Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю.Ю. Чурилов. – Воронеж, 2009. – 24 с.
14. Стельмах В.Ю. Срок вступления в законную силу постановления судьи о разрешении производства следственного действия / В.Ю. Стельмах // Право и безопасность. – 2013. – № 1-2 (44). – С. 121–123.
15. Червоткин А.С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Червоткин. – Москва, 2014. – 25 с.
16. Прошляков А.Д. О моменте вступления в силу промежуточных судебных решений по уголовным делам / А.Д. Прошляков, М.В. Мерзлякова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 57–60.

17. Смирнов А.В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: апелляция // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=СЛ&n=58669#ocivaxSIP3fORF1k1>.

18. Lupinskaya P.A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo i praktika / P.A. Lupinskaya. – Moskva : Yurist', 2006. – 174 s.

References

1. Fomichev P.V. On the essence of criminal procedural decisions. In Nikitina L.V. (ed.). *Sudebnye resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve i ih yuridicheskaya sila. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Court decisions in criminal proceedings and their legal force. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Saratov, Kubik Publ., 2015. pp. 267–274. (In Russian).

2. Manova N.S., Panteleeva E.V. On the essence of procedural decisions in criminal proceedings. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, 2020, no. 2 (11), pp. 100–111. (In Russian).

3. Groshevoj Yu.M. *Sushchnost' sudebnyh reshenij v sovetskom ugolovnom processe* [The essence of judicial decisions in the Soviet criminal process]. Kharkov, Vishcha shkola Publ., 1979. 143 p.

4. Enikeev Z.D. *Mekhanizm ugolovnogo presledovaniya* [Prosecution mechanism]. Bashkir State University, 2001. 116 p.

5. Manaev Yu.V. *Zakonnost' i obosnovannost' processual'nyh reshenij sledovatelya v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Legitimacy and validity of the investigator's procedural decisions in Soviet criminal proceedings]. Volgograd, 1977. 87 p.

6. Savitsky V.M., Larin A.M.; Savitsky V.M. (ed.). *Ugolovnyj process* [Criminal process]. Moscow, Kontrakt Publ., INFRA-M Publ., 1999. 270 p.

7. Lomidze A.B. *Prokurorskiy nadzor za zakonnost'yu i obosnovannost'yu prinimaemyh sledovatelem processual'nyh reshenij* [Prosecutor's supervision over the legality and validity of procedural decisions made by the investigator]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2000. 104 p.

8. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice]. 2nd ed. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2010. 240 p.

9. Zotov D.V. Traditions and innovations in determining the epistemological content of criminal procedure. In Nikitina L.V. (ed.). *Sudebnye resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve i ih yuridicheskaya sila. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Court decisions in criminal pro-

ceedings and their legal force. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Saratov, Kubik Publ., 2015. pp. 92–103. (In Russian).

10. Umanskaya V.P.; Rossinsky B.V. (ed.). *Pravovye akty organov ispolnitel'noj vlasti. Teoriya i praktika* [Legal acts of executive authorities. Theory and practice]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2013. 335 p.

11. Groshevoj Yu.M. Professional'noe pravosoznanie sud'i i socialisticheskoe pravosudie [Professional Legal Awareness of a Judge and Socialist Justice]. Kharkov, Vishcha shkola Publ., 1986. 183 p.

12. Bibilo V.N., Matvienko E.A. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo po ispolneniyu prigovora* [Criminal proceedings for the execution of the sentence]. Belarusian State University, 1982. 206 p.

13. Churilov Yu.Yu. *Opravdatel'nyj prigovor v rossijskom sudoproizvodstve. Avtoref. Kand. Diss.* [Acquittal in Russian legal proceedings. Cand. Diss. Thesis]. Voronezh, 2009. 24 p.

14. Stelmach V.Yu. Date of entry into force of the resolution with the judge's permission for performance of investigative actions. *Pravo i bezopasnost' = Law and Security*, 2013, no. 1-2 (44), pp. 121–123. (In Russian).

15. Chervotkin A.S. *Promezhutochnye sudebnye resheniya i poryadok ih peresmotra v rossijskom ugolovnom processe. Avtoref. Kand. Diss.* [Interim judgments and the procedure for their review in the Russian criminal process. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2014. 25 p.

16. Proshlyakov A.D., Merzlyakova M.V. On the moment of coming into effect of intermediate judgments on criminal cases. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 57–60. (In Russian).

17. Smirnov A.V. *Reforma poryadka peresmotra sudebnyh reshenij po ugo-lovnym delam: apellyaciya* [Reform of the procedure for reviewing court decisions in criminal cases: appeal]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=58669#ocivaxSIP3fORF1k1>.

18. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo i praktika* [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation and practice]. Moscow, YUrist" Publ., 2006. 174 p.

Информация об авторе

Григорян Ваган Леонович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии.

Information about the Author

Grigoryan Vagan Levonovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy.

Статья поступила в редакцию 13.01.2021; одобрена после рецензирования 11.02.2022; принята к публикации 14.02.2022.

The article was submitted 13.01.2021; approved after reviewing 11.02.2022; accepted for publication 14.02.2022.